

ЖАРКИЙ ДЕТЕКТИВ

Татьяна **УСТИНОВА** Людмила **МАРТОВА**
Галина **РОМАНОВА**
и другие :-)

Великолепные детективные истории

Татьяна Устинова

Жаркий детектив

«ЭКСМО»

2023

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Устинова Т. В.

Жаркий детектив / Т. В. Устинова — «Эксмо»,
2023 — (Великолепные детективные истории)

ISBN 978-5-04-189024-7

Поклонники остросюжетной литературы получают огромное удовольствие, читая короткие криминальные истории, вошедшие в сборник «Жаркий детектив»! Любимые писатели — Татьяна Устинова, Людмила Мартова, Галина Романова и другие популярные авторы — по-прежнему удивляют своим остроумием и литературным талантом. Буквально на нескольких страницах разворачивается увлекательное действие с неожиданной развязкой в пленительном антураже жарких летних дней! В сборнике «Жаркий детектив» есть все, что вы так любите: хитроумно закрученный сюжет, стремительное расследование и головокружительный финал. Попробуйте разгадать захватывающую загадку раньше всех!

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-189024-7

© Устинова Т. В., 2023
© Эксмо, 2023

Содержание

Людмила Мартова	6
Галина Романова	22
Глава 1	22
Глава 2	25
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Жаркий детектив сборник рассказов

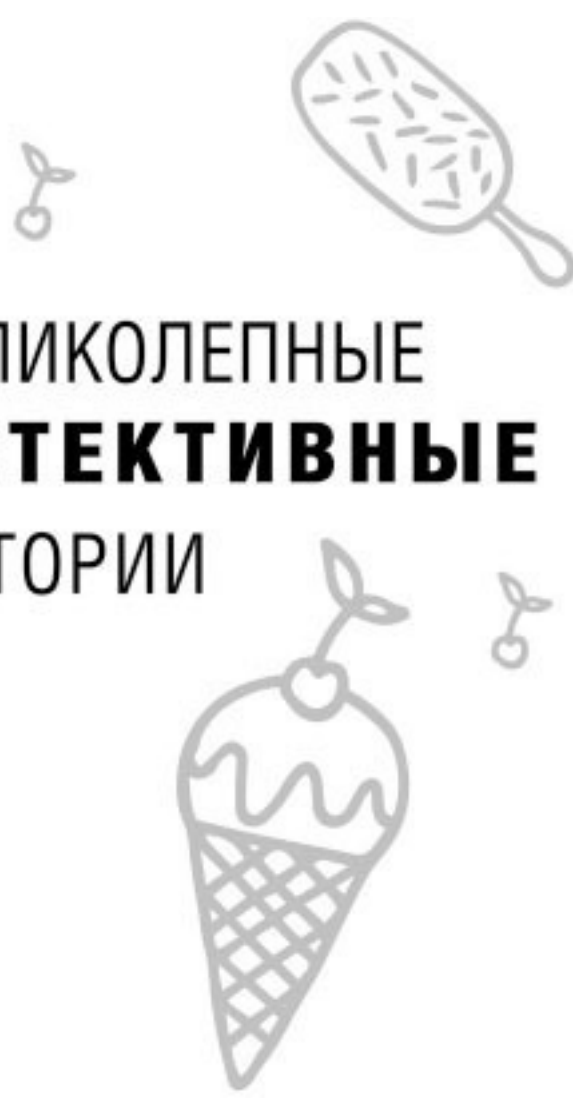
***Татьяна Устинова, Людмила
Мартова, Галина Романова и другие***

Редактор серии А. Антонова

Оформление серии Сергея Курбатова

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

* * *

ВЕЛИКОЛЕПНЫЕ
ДЕТЕКТИВНЫЕ
ИСТОРИИ

Людмила Мартова

• Калач с изюмом •

Чудное в этом году выдалось лето – чۇдное и чуднбе.

Раскачиваясь на деревянных качелях (перекинутая через прибитую к двум врытым в землю столбам перекладину толстая витая веревка, так и норовящая перевернуться под попой дощечка на ней) и кусая большое красное яблоко, Елка задумчиво размышляла, как сильно ударение меняет смысл слова.

Вот чۇдное лето означало, что с середины мая установилась жара. Днем температура воздуха поднималась до двадцати пяти – двадцати восьми градусов, а ночью не опускалась ниже восемнадцати. Как следствие, река прогрелась для их широт довольно рано – купаться они как начали в двадцатых числах мая, так и делали это с тех пор ежедневно, хотя июль уже плавно катился к концу. Еще неделя – и Ильин день, после которого купаться нельзя – вода от камушка стынет.

Так говорила Варькина бабушка, и Елке, выросшей в интеллигентной, а точнее, как она сама осознавала, снобистской семье, очень нравился ее напевный говор, полный поговорок, прибауток и народных речевых оборотов. К примеру, Варькина бабушка, которую, к слову, звали тоже очень по-народному, Марфой Васильевной, ни за что не сказала бы про качели «дощечка». В ее устах это прозвучало бы как «досочка» или «досточка». И студентке филфака Елке Резановой, свободно владеющей английским и сносно говорящей по-китайски, этот разговорный русский отчего-то ужасно нравился.

Ей и в доме Марфы Васильевны нравилось тоже, пусть даже он не шел ни в какое сравнение с особняком в принадлежавшем Елкиной семье имении Резановых. Оно год назад досталось ее отцу в наследство от тетушки Инессы Леонардовны, жестоко убитой прямо у находящегося там озера¹.

По этой причине Елка, ранее обожавшая бывать в Резанке, теперь всячески избегала туда ездить. Если раньше она была уверена, что в старом доме обитает привидение, то теперь знала – все это чушь. Привидений она не боялась. Просто воспоминания о тете Инессе, внимательно слушающей рассказы про Елкину жизнь, оплачивающей репетитора по китайскому, подливающей горячий ароматный чай, были болезненными, словно свежий ожог. Тетя ее любила, и этой любви Елке не хватало так сильно, что о ледяное одиночество осиротевшего дома она обжигалась каждый раз, когда туда приезжала.

Ее родители так обожали друг друга, что для Елки места в их сердцах уже не оставалось. Нет, разумеется, они заботились о своей единственной дочери и сильно бы удивились и рассердились, если бы им вдруг сказали, что их девочка чахнет от недостатка любви, но это было действительно так. Раньше компенсировала тетя Инесса, но год назад ее не стало, и Елка осталась одна. То есть с родителями, конечно, но все равно одна. И в Резанке бывать разлюбила, потому что без тети там стало все не так.

Именно поэтому предложение однокурсницы и лучшей подружки Варьки провести два летних месяца в деревне у ее бабушки Елка приняла с радостью. Сидеть в душном городе глупо, родительский отпуск запланирован на сентябрь, да и собирались они туда вдвоем, без повзрослевшей дочери. Поездки на заграничное море превратились в такой квест, что проходить его не хотелось, да и компанию Елке составить некому: для большинства ее знакомых цена на заграничные курорты ныне была совершенно непосильной. Российский же юг ее ни капли не привлекал: толпы народу и отвратительный сервис за дикие деньги.

¹ Подробнее в романе Людмилы Мартовой «Дом с привидениями».

Папа предложил пожить летом в имении. Погода прекрасная, условия комфортные, готовит домоправительница Клавдия так вкусно, что за лето легко потолстеешь. Спи, читай, гуляй да плавай в свое удовольствие. Чем не отпуск? Мама с папой, разумеется, согласилась, как соглашалась всегда и во всем. Сейчас, когда казавшаяся совсем недавно неминуемой угроза банкротства отступила, а папино детище – новый лесоперерабатывающий завод – заработал в полную силу и приносил солидную прибыль, родители, казалось, переживали второй медовый месяц. Елка все время чувствовала себя лишней, ей казалось, что она им мешает.

Предложение уехать в настоящую деревню, пожить в обычном деревенском доме с удобствами «на сарае», есть утром кашу, а днем суп, приготовленный в русской печи, валяться на сеновале с книжкой, пить козье молоко, покупаемое у соседей, бегать за домашними яйцами и рассыпчатым творогом на другой конец деревни, а главное – слушать напевную речь Марфы Васильевны, у которой, казалось, есть присказка на любой случай жизни, стало настоящим спасением.

Вся эта деревенская рутина, казавшаяся приезжающей сюда каждое лето Варьке самой обычной, для городской избалованной «куршавелями» Елки укладывалась в парадигму «чудное лето». Она много и охотно помогала подруге и ее бабушке по хозяйству. И тесто на пироги месила, и ягоды собирала, и крыжовник чистила, готовя его к варке «царского» варенья: это когда в сердцевину каждой крупной, мохнатой и очень вкусной ягоды вставлялся миндальный орех. Никогда до этого Елка не любила крыжовника, а теперь с удовольствием облизывала с пальцев сладкий сок.

Еще Марфа Васильевна брала их с собой по грибы. Одним в лес ходить категорически запрещалось. Потеряются еще городские девки, заблудают, ищи потом со спасателями и волонтерами, позору на всю деревню не обобратиться! Но сама с ними ходила два-три раза в неделю, раз уж лето выдалось грибное. Белые они уже и засушили на печке, и закатали маринованными в банки, и наморозили. И маслята замариновали, и рыжики засолили. Марфа Васильевна все обещала, что скоро грузди пойдут, совсем будет хорошо и красота. Как по Елке, хорошо и красота были уже и так.

Скрипнула калитка, и показалась Варька, вкатывающая во двор велосипед, на котором ездила в сельский магазин за сметаной. Бабушка послала. На обед сегодня был запланирован борщ, самый настоящий, огненный, ярко-красный, с плавающими бляшками жира. А вот сметана, как на грех, кончилась.

Была ее очередь. Елка ходила в магазин с утра, пешком, потому что ездить на велосипеде не умела, покупала мясистую грудинку для борща и утку, которую Марфа Васильевна собиралась приготовить на ужин с яблоками и брусникой. Подружка бабушка ворчала, что ее нельзя отправлять за продуктами, она транжира и вечно тратит целое состояние, но Елка только смеялась, норовя каждый раз купить что-нибудь особенно вкусное. В их семье проблем с деньгами не было, а сидеть два месяца на чужой шее она считала неправильным.

Войдя во двор, Варька прислонила велосипед к забору и подскочила к ней:

– Ой, что я видела!

Лицо у нее горело от возбуждения, покрасневшие щеки и блестящие глаза свидетельствовали, что Варька воодушевлена. Впрочем, в отличие от холодной и рассудительной Елки, с подружкой это часто случалось. Ввести ее в раж могла любая мелочь.

– И что же? – приняла подачу Елка.

– Дорожники приехали. Помнишь, бабушка еще в июне говорила, что от деревни до трассы должны дорогу ремонтировать? Так вот, наконец-то ремонт начнется. В поле за последним домом, ну, тем, разрушенным, вагончики установили. Там рабочие жить будут. Они уже приехали. Симпатичные-е-е...

– И что? – не поняла Елка.

С ее точки зрения, начинать ремонт в конце июля, когда до осенних дождей и распутицы осталось всего ничего, было верхом глупости. Такое лето чуждое псу под хвост спустили! Дождей было мало, да и те только по ночам. Сейчас бы уже работу заканчивали, если бы начали вовремя, а так... Пока начнут, пока раскочаются, дожди пойдут, будут основу в грязь класть, а асфальт и вовсе в снег. Как папа говорит: закапывают деньги в землю, поскольку тратят не свои, а государственные.

– И то! – Голос Варьки звучал сердито. Она частенько сердилась на Елку, что та ничегошеньки не понимает. – У нас в деревне одни старики да старушки, глазу отдохнуть не на ком. А тут парни. Говорю же, красивые!

– Варька, ты невозможна. – Елка доела яблоко, закинула огрызок в дальние кусты и встала с качелей. – Зачем тебе дорожные строители, какие бы красивые они ни были? Что ты с ними делать собираешься? Клуба в деревне нет, так что даже на танцы не сходишь, как прежние поколения делали.

Голос ее звучал не очень уверенно, потому что про деревенские танцы в жизни прошлых поколений Елка знала только из книг. Ее мама, стильная до невозможности Марианна Резанова, дочка советского партийного бонзы, а потом бизнесмена, на сельские дискотеки не ходила точно. Марфа Васильевна рассказывала, конечно: в те времена, когда в деревне было больше двухсот домов и считалась она центральной усадьбой крупного колхоза-миллионера, клуб в ней работал, и танцы по пятницам и субботам считались основным развлечением для молодежи. Но Елка смутно себе это представляла.

– Да ну тебя. – Варька надула губы. – Вечно все приключение испортишь своим занудством! А я, может, любовь всей жизни встретить хочу.

– Среди дорожных рабочих?

– Нет, среди миллионеров с перспективными стартапами. У меня, Елочка, папы-бизнесмена нет. Главное не деньги, а чтобы человек был хороший, готовый работать для семьи. И меня любил! Так почему бы и не среди дорожных рабочих, тем более что среди них и инженеры имеются?

Ага. Все-таки социальный статус потенциального избранника имеет значение. Елка засмеялась. Как объяснить подружке, что для нее деньги – тоже не главное в будущем муже? И мама любит папу вовсе не за то, что у него они есть. Да когда они познакомились, никаких денег у папы и в помине не было! Откуда им взяться у обычного студента? Просто он ее любил и был готов работать во благо семьи. А деньги потом приложились: к этой готовности и имеющимся способностям.

– Лен, мы ведь ходим туда? – голос Варьки сменился на жалобный. – Ну, типа в поле, цветов нарвать. Я же одна не могу. Неправильно это.

Ну, разумеется. Варьке нужна компаньонка для того, чтобы показать, так сказать, товар лицом. Елка представила, как они вдвоем чинно вышагивают по дороге, ведущей на другой конец деревни, а потом ныряют в поле, заросшее высокой травой, где собирают букет под пристальными взглядами приехавших молодых людей. Господи, какая же дурь!

Впрочем, неожиданно ей в голову пришла совсем другая мысль.

– Варь, а ты вообще откуда знаешь про вагончики в поле? Ты же за сметаной ездила, а магазин совсем в другой стороне.

Ей показалось или подруга немного смутилась от этого простого вопроса? Елка просто видела, что Варька готовится соврать – у нее всегда в такие минуты начинал мелко дрожать кончик носа, – но не успела. На крыльце, подбоченься, появилась Марфа Васильевна.

– Варя, тебя только за смертью посылать! Пошла по масло, а в печи погасло. Давай уже сметану, борщ стынет. Девочки, к столу.

После обеда, сытного и вкусного, как всегда, они с Варькой немножко поцапались. Подруга требовала срочно отправиться «в поля». Елка наотрез отказывалась, не желая выглядеть глупо в чужих глазах, пусть даже это всего лишь глаза дорожных рабочих.

– Ты как хочешь, а я никуда не пойду, – отрезала она. – И вообще, у меня урок китайского. Я не могу его отменить.

– Ну и пожалуйста. – Варька обиженно выпятила нижнюю губу. – Сама схожу. Тоже мне, подруга называется.

– Чего надулась, как мышь на крупу, – прикрикнула на нее бабушка. – Одна про сапоги, вторая – про пироги. Лучше б посуду помыла.

– Я помою, Марфа Васильевна, – пообещала Елка.

– Так у тебя ж урок.

– Он через сорок минут, успею.

Мыть посуду полагалось в тазике, куда Марфа Васильевна плеснула горячей воды из стоящего целый день в печке чугунного горшка. Варьку эта процедура раздражала, а Елке неожиданно нравилась. Почему-то на нее сходило умиротворение, когда она намыливала в тазике тарелки, чашки и ложки, а потом выливала мутную воду и споласкивала посуду чистой холодной водой под висящим в углу кухни рукомойником. Воду с колодца носили заранее, чтобы она немного прогрелась в стоящем у печки чане, иначе была такой ледяной, что ломило руки. Зубы тоже ломило, но Елка все равно пила: такой вкусной была эта холодная колодезная вода. И за два месяца ни разу не простудила горло.

Она вымыла посуду, взяла ноутбук и снова вышла во двор. Грех в такую погоду сидеть в помещении. Зима впереди долгая, тогда и насидятся. Уютно расположившись в гамаке, растянутом между двумя старыми яблонями, Елка раздала с телефона интернет и вышла в скайп. До начала урока было еще минут семь, поэтому оставалось только ждать, лениво подставив лицо солнцу и закрыв глаза.

Воздух был наполнен летними звуками и ароматами. Елка старалась различить их сквозь смеженные веки. Вот, сердито звеня, пролетел шмель, а вот тоненько запела паутина, бережно принимая попавшую в нее невезучую муху. Ж-ж-ж-ж, дзынь-дзынь... Вот на мягких лапах, крадучись, прошла кошка Марыся, выслеживающая ежа. Он жил в траве у самого забора, Елка иногда ходила его кормить. Ш-ш-ш-ш, жалобное мяуканье. Похоже, выследила.

Снова какие-то шаги, явно человеческие, но тоже крадущиеся. Елка не успела их классифицировать, как они перешли в такой же тихий, практически неразборчивый шепот, из которого ухо вычленило лишь отдельные слова. Неизвестный голос, кажется, мужской, произнес «злато», «покалечилась» и «мы же на «ты», а еще «паразит».

Соседи ссорятся. Елке стало скучно. Звонок в скайпе оповестил о начале урока, и она тут же забыла о чужих разговорах, которые к ней не имели никакого отношения. Освободившись через час, она отнесла в дом ноутбук. Марфа Васильевна на кухне колдовала над купленной на ужин уткой, а заодно собиралась печь пирог с яблоками. Он у нее получался божественно. Елка предложила помощь, но была отвергнута, мягко, но решительно.

– Не поможет рвение, если нет умения, – сказала Марфа Васильевна, усмехнувшись, – ты лучше иди погуляй, деточка.

– Я тогда Варю поищу, – сказала Елка, – а то ее что-то долго нет.

– Поищи, поищи, а назад вертаетесь, будем чай с пирогом пить. И варенье я с утра сварила из арбузных корочек с клюквой. Не ела, поди, никогда такого.

Елка призналась, что не ела, и вышла из дома, а затем и из двора на жаркую, чуть пыльную улицу, искренне недоумевая, откуда у Варькиной бабушки столько умений. Надо же, варенье из арбузных корок с клюквой! И куда, спрашивается, подруга подевалась? Тащиться на другой конец деревни, чтобы искать Варьку на поле, где она собиралась нарвать цветов, было неохота. День раскошегарился вовсю и был жарким, сонным. Деревня словно вымерла, главная

улица оказалась пустынной, даже вездесущие детишки, приехавшие к бабушкам на каникулы, не бегали, не катались на велосипеде, не кричали звонкими голосами на всю округу.

На речку, что ли, сходить? А Варька сама найдет, не маленькая. Может, уже познакомилась с кем-то, и Елкин приход ее совсем не обрадует. У подружки была навязчивая идея найти себе парня. Ее ужасно угнетало, что к девятнадцати годам у нее нет кавалера, и она просто грезилась выйти замуж.

Елка, к слову, тоже одинокая, этого не понимала. Вокруг столько всего интересного: учеба, концерты, выставки, китайский язык, путешествия, книги, наконец. Жизнь не вращалась вокруг мужчин, а что касается любви, то она была уверена – всему свое время. Как говорил внезапно возникший в жизни их семьи сын Инессы Леонардовны, то есть двоюродный брат папы Глеб Ермолаев: «Бог управит». А значит, и суетиться ни к чему.

Приняв решение оставить Варьку наедине с ее глупой затеей, Елка свернула с главной улицы на боковую, а оттуда на узкую тропинку между деревьями, ведущую к речке. Это самый короткий путь. Здесь было довольно сумрачно, потому что разросшиеся деревья сплетались кронами, практически не оставляя шанса солнцу.

Земля в постоянной тени казалась влажной и слегка разъезжалась под ногами, отросшая трава доходила до середины бедер, и вообще-то идти тут было довольно неприятно. Обычно они бегали на речку вдвоем, и легкого неудобства Елка не замечала, но сегодня ей вдруг захотелось вернуться. Где-то в глубине дикой неухоженной рощицы притаилось чудовище. По крайней мере, ей так казалось.

– Это все твоё дурацкое воображение, – шепотом сказала она себе. – Совсем недавно ты считала, что в имении в Резанке живет привидение, уверяла в этом окружающих и оставляла молоко с печеньем. А потом выяснилось, что тебя просто разыгрывали.

Не желая идти на поводу у собственных страхов, она двинулась дальше, тем более что выход из рощицы, где выющаяся среди деревьев тропинка выводила на дорогу, за которой начинался собственно берег, уже виднелся впереди. Стон раздался, когда до него оставалось шагов двадцать, не больше.

Елка остановилась и прислушалась. Стон повторился, отчетливый, жалобный, полный муки. Мурашки побежали по рукам, шее, вдоль позвоночника. Она понимала, что нужно бежать, спастись, но ноги словно приросли к земле, по крайней мере двинуться с места она не могла.

– А-а-а-а, – пожалуй, стонал мужчина. И из этого вытекало как минимум одно важное следствие: бежать нужно было как можно быстрее. – О-о-о-о! Помо-ги-те...

Ругая себя за глупость и беспечность, Елка медленно начала приближаться к месту, откуда доносился стон. Сделав шагов десять в сторону и стараясь держать в поле зрения спасительный выход из рощицы, она увидела скрючившегося в траве мужчину. Он лежал, обхватив себя руками за живот крест-накрест.

– Простите, вам плохо? – Большей глупости спросить нельзя – то, что мужчине худо, видно невооруженным глазом.

Стон был ей ответом. Озираясь в надежде на неожиданную помощь, Елка подошла и присела, взяв мужчину за руку, пытаясь нащупать пульс. Рука была вялая и влажная, пульс частым и слабым, а лицо у мужчины покрыто крупными каплями пота, хотя под деревьями совсем не жарко, прохладно даже. По крайней мере, Елку слегка знобило. Или это от испуга?

– Я сейчас кого-нибудь позову, – пообещала она. – Мне самой вас не вытащить отсюда, а тут явно нужен врач. Скажите, что произошло, чтобы они приехали уже с нужными лекарствами. Что у вас болит? Сердце? Живот? Вас ударили? Ранили? Что случилось?

Мужчина открыл глаза и уставился на нее, словно прожигая в лице дыру. Елка даже попятилась немного, таким горящим был его взгляд.

– Солитёр, – отчетливо сказал мужчина. – Это солитёр виноват. Злато.

Старинное и редкое слово «злато» Елка уже сегодня где-то слышала. А солитёр – это, кажется, червь такой, поедающий внутренности. Или это он пасьянс имеет в виду? Черт бы побрал эти слова, имеющие двойное значение!

Впрочем, на филологические изыски времени не было совсем. Еще раз повторив слово «солитёр», что бы оно ни значило, мужчина закатил глаза и потерял сознание. Елка со всех ног бросилась бежать обратно через рошу, чтобы привести на помощь Марфу Васильевну. Это было лучшее, что она могла сделать: Варькина бабушка обладала нескончаемым здоровым смыслом и потрясающими организационными способностями.

В этот раз она тоже оказалась на высоте. Выслушав сумбурное сообщение, Марфа Васильевна сразу вызвала «Скорую помощь», а также позвонила участковому.

– На всякий случай, – деловито сообщила она в ответ на осторожное замечание, что крови на месте происшествия не видно, да и вообще, может, человеку просто плохо.

– Может, – согласилась Марфа Васильевна, – только если это не так, потом все окажется сложнее. Так что пусть Павлуша сразу все осмотрит, на всякий случай.

Павлушей звали участкового лет сорока, тучного и одышливого, но для Марфы Васильевны все, кто младше ее, проходили по категории Павликов, Васяток и Николенек. И никто, разумеется, не спорил.

Все звонки она совершала одновременно с другими действиями. Сняла фартук, поменяла домашние тапочки на уличные галоши с ворсовой подкладкой, сунула в карман домашних брюк какие-то таблетки, придирчиво отобранные в ящике буфета, сдернула с дивана клетчатый плед, налила в бутылку воды.

Бутылка была модная, из тех, что продаются в спортивных магазинах, очень стильная. И домашние брюки тоже были стильными, совсем не деревенскими, да и вообще всем своим обликом Марфа Васильевна на сельскую бабку не тянула. Впервые за два месяца жизни в ее доме Елка вдруг задумалась над этим несоответствием: жизнь деревенская, говор простонародный, а внешний вид, как у придворной статс-дамы. И стрижка модная, и волосы умело подкрашенные.

– Елочка, пойдем, я вроде все взяла.

– Куда? – не поняла она, вынырнувшая из своих раздумий.

– Как куда? Покажешь мне, где лежит этот несчастный.

– Нет, – замотала головой Елка и ногами переступила, как норовистая кобыла, – я туда не пойду.

– Елена! Мы не можем оставить человека без помощи.

– Но вы же «Скорую» вызвали. Они и помогут.

– «Скорая» минут сорок ехать будет. В полном соответствии с нашими дорогами и состоянием отечественного здравоохранения, – припечатала Марфа Васильевна. – Да и в любом случае нельзя оставлять человека одного в беде. Доброму человеку помощь – не убыток.

– Я боюсь, – жалобно призналась Елка.

– На всякую беду страху не напасешься. Ну ладно, – смягчилась она, видя, что глаза у нее стали как блюдца, – ты близко не подходи, в стороне стой, я сама посмотрю, что там и как. А ты «Скорую» встретишь. Пошли.

Ослушаться Елка не осмелилась и уныло поплелась следом. Больше всего она боялась, что за время ее отсутствия неизвестный мужчина умер. С прошлого лета, когда в имении убили сначала Инессу Леонардовну, а потом ее падчерицу Светлану, Елка была не готова снова увидеть труп, да еще и криминальный. Но лежащий в траве мужчина был жив, хотя и без сознания.

Издали Елка видела: Марфа Васильевна деловито опустила на колени, как она сама давеча, взяла мужчину за руку, чтобы нащупать пульс, сердито покачала головой, поджав губы, – пульс ее, судя по всему, не порадовал. Достала из кармана ампулу, надломив кончик, поднесла к носу лежащего на земле мужчины. «Нашатырь», – догадалась Елка и чихнула,

вспомнив резкий неприятный запах. Мужчина же не отреагировал никак: видимо, обморок его был слишком глубоким, а положение достаточно серьезным.

Свернутый плед Марфа Васильевна подложила под его голову и этим решила ограничиться.

– Вы понимаете, что с ним? – спросила Елка издали.

– Признаться, нет. Он не ранен, это все, что я могу сказать. Может быть, инфаркт или инсульт, может, желудочное кровотечение, а может, по голове дали.

– Вы его знаете?

– Нет, впервые вижу. Он не наш, не деревенский.

Это Елка и сама видела. Мужчина был одет не так, как местные мужики. На нем были светлые джинсы приличной марки, мокасины на босу ногу и рубашка поло с характерным крокодильчиком на левой стороне груди. Ее отец любил одежду этой марки, поэтому Елка примерно представляла, сколько она стоит. Некоторые местные мужики в месяц столько зарабатывали – те, которые в принципе имели работу.

Послышались треск веток и сопение – кто-то большой и тяжелый шел через рощу. Елка сначала напряглась, но тут же расслабилась. Из кустов появился участковый Павел Никанорович, Павлуша.

– Чего, Васильна, не живется тебе спокойно? – загудел он низким, хорошо поставленным голосом. – Мне только труп на вверенном участке не хватало!

– Не труп он, – информировала Варькина бабушка. – Но если «Скорая» задержится, то вполне может им стать. Что с ним, не разберу. Может, хворь какая, а может, и без злого умысла не обошлось. Сам посмотри, Павлуша!

Она посторонилась, чтобы полицейский мог осмотреть неизвестного. Присесть ему мешал большой живот, поэтому Павел Никанорович неуклюже наклонился, оттянул верхнее веко у пострадавшего. Тот застонал и дернулся, но в себя так и не пришел.

– Зрачок суженый, кожные покровы холодные и влажные. Мужик без сознания. Такое чувство, что его клофелином накачали, – мрачно сказал участковый и, кряхтя от натуги, принял вертикальное положение. – Правда, я такого уже лет пятнадцать не встречал. А ты, Васильна?

– А я никогда такого не встречала. Только в детективах, – вздохнула та.

– Ты как вообще его нашла-то?

– Это не я, а гостя моя. Вон стоит. Варюшки моей подружка. Да я вас знакомила, когда ты чай заходил пить.

– Помню-помню. Вас, девица, кажется, Еленой зовут?

Та кивнула, мечтая провалиться сквозь землю.

– Ну, давайте рассказывайте, как дело было.

Елка послушно рассказала.

– Он говорил что-нибудь?

– Только «помогите», а потом еще про золото и что во всем солитёр виноват.

– Ишь ты, золото! А что конкретно говорил?

– Да ничего. Это даже не связная речь была, а так, отдельные слова. Да, он так странно произносил это слово: не золото, а злато. Да. Точно. Злато.

Какое-то смутное воспоминание снова шевельнулось у нее в голове, но тут приехала «Скорая», поднялась положенная в таких случаях суматоха, и стало не до этого. Мужчину погрузили в машину и увезли.

– Что будешь делать? – спросила Марфа Васильевна участкового.

– Пока ничего. Подожду, когда медики вердикт вынесут, что с ним такое. Может, он метанолом траванулся, и это бытовуха в чистом виде, а никакое не преступление.

– Павлуша, – с мягким укором произнесла Марфа Васильевна.

– Чего?

– Ну, что ты как маленький! Понимаешь же, что человек неизвестный, документов при нем нет. Вообще ничего, даже банковской карты, без которой нынче ни один уважающий себя человек из дома не выйдет. И телефона нет. Такое чувство – у него специально все забрали, чтобы нельзя было догадаться, кто это такой. И ты не собираешься ничего делать?

– Базу потеряшек пробью, – буркнул Павел Никанорович. – Вдруг заявлял кто о пропаже.

– И снова мимо. Если он и пропал, то от силы пару часов назад. Его еще сутки никто не хватится, а если и хватится, то заявить может не сразу. Так что нет его в базе, к бабке не ходи.

– Васильна, ты чего от меня хочешь?

– Хочу, чтобы ты голову включил, – сердито отрезала та. – Лень лени с места встать да ложку достать. Человек не местный, значит, приехал к кому-то.

– И что? Мне все дома обойти велишь? Спросить, не вы ли гостя дорогого траванули?

– Дома не дома, а в магазин загляни. Человек с дороги вполне мог туда за подарочком каким зайти: за конфетами там, за вином. А еще Варька моя сегодня в ажитации была невероятной от того, что дорожные рабочие лагерь в поле разбили. Вдруг он оттуда? По одежде, конечно, не похоже, но может и не работягой быть, а инженером там или еще каким руководителем.

Елка смотрела на Марфу Васильевну во все глаза. Варькина бабушка, кажется, вела расследование, да еще и полицейского поучала, причем так профессионально, что обзавидуешься.

– Ладно, Васильна. За совет спасибо, – еще более недовольно сказал полицейский. – Умеешь порадовать под конец рабочего дня. Но я как-нибудь сам разберусь, что мне делать и куда идти.

– Если что узнаешь, расскажи. – Марфа Васильевна была сама кротость.

– Всенепременно.

На том и расстались. Полицейский ушел, а Елка и новоявленная мисс Марпл двинулись в сторону дома. Варьки все еще не было, и Елка начала испытывать смутное беспокойство. В отличие от Марфы Васильевны, которую долгое отсутствие внучки совсем не тревожило.

– К ужину придет, – сказала она в ответ на робкое замечание. – С уткой я, конечно, запоздала, да и пирог в духовку не отправила, так что есть будем часа через два, не раньше. Ты очень голодная?

– Да я еще с обеда сыта, – засмеялась Елка. – Если вам помощь не нужна, то я все-таки сбегая до поля, поищу Варьку.

– Сбегай, коли не терпится. И вот что, девка, вы с ней обе по сторонам смотрите. Чувствую я, что в деревне лихо проснулось. Гляди под ноги: ничего не найдешь, так не зашибься.

Кивнув, Елка, не заходя во двор, повернула в обратную сторону и двинулась к краю деревни. Все было как всегда. Так же ярко светило солнце, пригревая голые руки и шею, небо над головой было все таким же голубым, пыль от дороги взметалась под ногами маленькими фонтанчиками. И про какое такое лихо говорит Марфа Васильевна? Неужели ее так впечатлила история с найденным без сознания незнакомцем? Или что еще тревожит?

Варьку, раскрасневшуюся и довольную жизнью, она нашла в разбитом дорожниками лагере. Та сидела у сколоченного стола рядом с одним из вагончиков, ела черную смородину и слушала высокого молодого мужчину, увлеченно что-то рассказывающего.

– Ой, Елка пришла! – воскликнула она. – Ребята, знакомьтесь, это моя подруга.

– Здравствуйте, – поздоровалась вежливая Елка. – Варь, ты что так долго? Мы с Марфой Васильевной тебя уже потеряли.

– Так позвонили бы, – искренне удивилась та. – Я и не думала пропадать.

Почему-то мысль о том, что можно не ходить на другой конец деревни, а просто набрать номер, не приходила Елке в голову. Или она сама себя обманывает и сюда ее пригнало вовсе не беспокойство за подругу?

– Меня Елена зовут, – сказала она собеседнику Вари. – А вас?

– А меня Олег. Я – бригадир вот этих оболтусов, – он обвел рукой вагончики. – Приятно познакомиться.

– А сколько вас человек?

– Двадцать шесть, – немного удивленно ответит Олег.

– И все на месте?

– Нет, должно быть двадцать восемь, но двое задержались в городе. – Казалось, собеседник удивлялся все больше и больше. – А что?

Интересно, давала эта информация что-то или нет? Мог быть найденный в роще человек одним из опоздавших ремонтников?

– Там одному из приезжих плохо стало, – расплывчато сообщила она. – Его «Скорая» забрала. Вот я и подумала, может, ваш.

– Где там? – уточнил Олег. Видимо, мужик он был конкретный. – Нашим всем вроде хорошо.

– В деревне. В роще неподалеку от реки. Никто у вас туда не собирался?

– Мы собирались, но ближе к вечеру. – В голосе Олега появилась то ли тревога, то ли растерянность. – Нам Варя обещала показать, где тут у вас речка.

– В общем, если выяснится, что у вас кто-то пропал, то вы сразу участковому сообщите. Тот мужчина, которому стало плохо, без документов и проходит как неизвестный. Участкового Павел Никанорович зовут.

– Елка, правда, кого-то неизвестного в деревне нашли? И что, без сознания, да? – жарко зашептала Варя. – А кто нашел? И как?

– Да я и нашла, – с досадой призналась Елка. – Мужчина лет тридцати пяти, может, сорока. Одетый очень прилично, но ни телефона при нем, ни документов, ни денег. Ничего. Сначала стонал, а потом отключился. Я за твоей бабушкой сбегала, а она врачей вызвала и участкового.

– Ух ты, а я все пропустила, – искренне огорчилась Варя. – Олег, точно не из твоих? Если бабушка не знает, кто это, значит, точно приезжий.

Бригадир дорожников поднялся и пошел к вагончикам. Елка и Варя остались за большим столом вдвоем.

– Вы выглядите так, словно хорошо знакомы, – сказала Елка подруге. – Ты бы ни за что не стала панибратски общаться с человеком, которого впервые увидела пару часов назад. Варь, колись давай!

Та потупила глаза.

– Я все время забываю, какая ты глазастая. Ну да, мы еще весной познакомились. Я в магазине кошелек выронила, а Олег поднял и вернул. Мы пару раз встретились, а потом они на объект уехали. У них же лето – горячий сезон, практически круглосуточно работают, а потом зимой отдыхают. Выяснилось, что потом они сюда, в деревню, заедут. Я потому сюда на все лето и отправилась, чтобы к Олегу поближе быть, а они на предыдущем объекте задержались и только сейчас приехали. Мы с ним все это время переписывались.

Так вот почему подруга решила почти все лето провести в деревенской глуши! А Елку с собой позвала, чтобы не скучно было дожидаться кавалера.

– А мне почему не сказала?

– Сглазить боялась, – смущенно призналась Варя. – Ты ведь не сердишься, да?

– Не сержусь, – вздохнула Елка. – По крайней мере, понятно, с чего тебя вдруг потянуло с незнакомыми людьми общаться. Совсем на тебя не похоже, если честно.

Вернувшийся бригадир выглядел слегка растерянным и сердитым.

– Вот что, девушки, – сказал он мрачно, – похоже, нам нужен ваш участковый.

– У вас кто-то пропал? – встрепелась Елка.

– Нет, у нас кое-что нашлось. – Голос Олега стал еще мрачнее. – Один из наших ребят, Серега Круглов, ходил в магазин и нашел в канаве мужскую сумку. Борсетку, а в ней паспорт, водительские права, телефон, карты банковские. Полный набор, в общем. И никому ничего не сказал, дебил!

– А человека? Человека он видел?

– Говорит, что не было никого. Просто в канаве сумка лежала. Канава-то травой заросшая. Он заметил только потому, что у него шнурок развязался. Серега наклонился завязать, у него из кармана на рубашке телефон выпал – и в канаву. Он полез доставать, начал в траве руками шарить, а там борсетка лежит.

После недолгого обсуждения было принято решение вместе идти в деревню, в дом к Марфе Васильевне, а уже туда вызывать участкового, чтобы показать находку. Отправились вчетвером: Елка, Варя, Олег и нашедший чужую сумку Серега. Документы оказались на имя Куршева Валерия Николаевича, и это имя никому из присутствующих ничего не говорило. Фотография в паспорте свидетельствовала о том, что в роще без сознания Елка нашла именно этого человека. Но как он оказался там, довольно далеко от магазина и расположенной рядом с ним канавы, где нашлась борсетка, оставалось неясным.

Помимо документов и кошелька, в борсетке лежала коробочка от ювелирного украшения. Как отметила Елка, из-под кольца.

– А почему не серег или какой еще броши? – спросил участковый.

– Ну, это же очевидно, – снисходительно улыбнулась Марфа Васильевна и подмигнула Елке, как своей. – Прорезь в бархатной подушечке одна, именно под кольцо. Коробочки для сережек выглядят совсем иначе, а уж для крупных украшений – тем более.

Она подцепила ногтем подушечку, вытащила ее и извлекла на свет божий бирку с пломбой, какие всегда прикрепляют к ювелирным украшениям. «Бриллиантовое небо», – было написано на ней. Кольцо. Белое золото. 1Бр КР57 2/4 А 3 ст. Размер 17. Цена 9 150 000 рублей.

Участковый почтительно присвистнул:

– Нормальная цена! Я такого никогда в жизни не видел.

– Так ты, Павлуша, и сейчас не видишь, – насмешливо сказала Марфа Васильевна. – Кольца-то нет. Это не вы ли, случаем, молодой человек, его скоммуниздили? – Последнее относилось к Сергею.

Тот заалел маковым цветом:

– Нет. Я ничего не трогал. Я вообще не собирался себе сумку оставлять. Думал, потом поищу хозяина. Не оставлять же документы в канаве.

– Ну да, ну да, – согласился участковый. – И что же вся эта тарабарщина обозначает?

– Здесь лежало бриллиантовое кольцо. Из белого золота, с одним бриллиантом. Форма огранки круглая, на пятьдесят семь граней, – начала объяснять Елка. – Цвет – два, чистота – четыре. Это значит, что бриллиант почти бесцветный, его оттенки может заметить только эксперт, и показатель чистоты у него очень высокий. Вес камня очень большой для кольца – три карата. Потому и цена соответствующая.

– А вы, девушка, прекрасно разбираетесь в бриллиантах, – с уважением сказал участковый.

– Папа объяснил, когда покупал маме подарок на годовщину знакомства, – пожала плечами Елка. – Я запомнила, потому что... Просто запомнила.

– Потому что бриллианты – лучшие друзья девушек, – чуть насмешливо сказал Олег. – Повезло вашей маме, Елена! Не каждой женщине муж может сделать такой подарок.

Вид у него при этих словах стал слегка смущенным.

– Не каждая женщина такой подарок и ждет, – тут же отреагировала Варя.

– Интересно другое, – задумчиво сказала Марфа Васильевна. – Куда девалось само кольцо, а также кто такой Валерий Николаевич Куршев? Никогда не встречала упоминания об этом человеке.

– Разберемся, – буркнул участковый.

Он с Олегом и Сергеем были приглашены остаться на ужин и с удовольствием отведали утки с брусникой и пирога с яблоками. Варя светилась счастьем, ее мудрая бабушка прятала улыбку, а Елка была тиха и задумчива, потому что загадка случившегося не выходила у нее из головы. Чудное лето, вот как есть чудное!

Кольцо с бриллиантом на три карата из белого золота. Не оно ли стало причиной случившегося? Золото... Злато... Мгновенная вспышка вдруг озарила мозг. Про злато говорил мужской голос за забором, который Елка слышала незадолго до своего урока. Так, а что он еще говорил? Она напрягла память. Так, слышала слова «злато», «покалечилась», «мы же на «ты» и «паразит».

Интересно, солитёр – это же глист, то есть паразит. Может быть, именно про него шла речь? А злато все-таки имело отношение к кольцу. Только куда оно подевалось? И с кем пострадавший мужчина на «ты»? Кажется, в соседнем с Марфой Васильевной доме, том самом, который отделен забором, жила не очень приветливая девушка лет двадцати пяти. С Варькой и бабушкой она вежливо здоровалась, а с Елкой начала только к концу первого месяца ее пребывания в деревне. Ну ладно, возьмем за основу, что Куршев Валерий Николаевич разговаривал именно с соседкой. Вот только где она покалечилась? Или Елка не поняла и речь шла про что-то другое?

Хоть она и стеснялась выглядеть глупо, но все-таки высказала свои сомнения вслух.

– Да ну, – усомнилась ее словам Марфа Васильевна. – Моя соседка Оленька Прохорова не могла ни с каким мужчиной разговаривать.

– Факт, – подтвердил участковый.

– Почему? – не поняла Елка. Она сама слышала разговор за забором. Не мог же он ей почудиться.

– Да потому что она через несчастную любовь с собой покончить пыталась, – вздохнула Марфа Васильевна. – Где любовь, там и напасть. У моря горе, у любви вдвое. Она в городе познакомилась с мужчиной, военным, кажется. Сладилось у них там, вот Оленька и заявила матери, что замуж выходит и с любимым уезжает. На Камчатку, что ли. Ну, мать-то ее, Наталья Григорьевна, белугой выла, мол, надо, доча, сначала узнать человека получше. Дело ли, спустя две недели замуж бежать. Обманет он тебя и бросит, вот как пить дать.

– И что получилось? – заинтересовалась Елка.

– Да то и получилось, что права мать-то оказалась. Перед свадьбой исчез жених этот, как и не было его. А Оленька вены себе перерезала и в психиатрическую больницу попала. А как выписалась, в деревню переехала, в бабкин дом, что по соседству, и на мужчинах крест поставила. Почитай уж, года три затворницей живет.

– А на что живет-то? – удивилась Елка.

– Портнихой зарабатывает. Такие наряды шьет, что городские модницы к ней в очередь становятся. Только с женщинами работает, из дома почти не выходит, да вы и сами видели. С матерью своей не общается, обвиняет ее в том, что жених сбежал. Наталья Григорьевна пару раз приезжала, так Оленька ее на порог не пустила. Вот какая драма. Не спится, не ложится, все про милого грустит.

– Так, может, этот Куршев и есть ее пропавший жених? – воскликнула Варька. – Нашелся, вернулся, а Оленька его взяла и клофелином траванула. Отомстила за то, что он ее три года назад бросил.

– Да откуда у нее клофелин? – всплеснула руками Марфа Васильевна. – Рецептурный препарат, а она молоденькая, повышенного давления и в помине нет.

– Надо, наверное, сходить и спросить, – мрачно сказал участковый. – Откуда-то в деревне этот самый Валерий Николаевич появился.

– Ага, Павлуша. Ты сходишь, а она опять побежит вены резать, – мрачно заметила Марфа Васильевна. – Тут осторожно надо, деликатно. Ваша воля, да и в нем есть доля.

– Не могла Оля ни с кем сегодня разговаривать, – вмешалась Варька. – Я точно знаю.

– Это с чего бы? – Марфа Васильевна смотрела внимательно. Знала, что ее внука пустых слов не бросает.

– Я ее на улице встретила, когда к Олегу шла. Она на трехчасовую электричку торопилась. К какой-то важной клиентке на примерку в город собралась. А до станции сорок минут ходу.

– У меня урок был на три часа назначен. Значит, я разговор этот странный где-то без десяти три слышала. Получается, это и в самом деле не могла быть ваша соседка. Но кто тогда на ее участке разговаривал?

– Ладно. Будем надеяться, врачи этого самого Валерия Николаевича откачают, он нам и расскажет, что с ним такое приключилось, – вздохнул участковый. – А пока спасибо этому дому за вкусный ужин и полезные свидетельские показания. Пойду я. Завтра со всем разбираться будем.

Мужчины ушли. Пунцовая от счастья Варька начала мыть посуду, Елка задумчиво сидела у окна, подперев щеку рукой. Марфа Васильевна примостилась в кресле-качалке, в котором всегда сидела вечерами, достала вязание и поверх очков покосилась на внуку.

– С тобой, Варенька, вообще-то отдельный разговор составить надобно. Убежала на полдня на тайное свидание, куда это годится? Можно подумать, мы с Елочкой твоего доверия не заслуживаем. Честно величать, так на пороге встречать, а не на тайные свиданки бегать. Пусть молодой человек в дом приходит. Еще раз такое учудите, обоих поколочу.

– Обоим – по калачу, – засмеялась Варька, вытерла мокрые руки о фартук, подскочила и обняла бабушку. – Ба, ну, скажи честно, ты же не сердишься!

– Не сержусь, – засмеялась Марфа Васильевна и тоже обняла внуку. – Что я, молодая не была?

– Стоп! – воскликнула Елка и потерла рукой лоб. – Вы сейчас что-то очень важное сказали.

– Конечно, важное, – согласилась Варя. – Бабушка сказала, чтобы Олег к нам приходил, когда захочет.

– Да не про Олега. – Елка даже рукой махнула, сердясь на подружку легкомысленность. – Про калач.

– Калачи бабушка печет. Из сдобного теста. С изюмом. Вкусные – ужас! Она нам напечет, да, ба?

Марфа Васильевна степенно согласилась.

– Поколочу – по калачу. Звучит одинаково, а пишется по-разному, – пробормотала Елка.

– Ну да. Обычное для омофонов дело, – кивнула Марфа Васильевна.

– Для чего?

– Для омофонов. Это такая фонетическая двусмысленность, когда пишется по-разному, а звучит одинаково. И если произнести одно слово, то собеседник может и не понять, о чем идет речь. Истинное значение становится понятно только в контексте всего предложения. Ну, например: «пишу стихи я: это моя стихия».

– Небо и нёбо, – пробормотала Елка.

– Нет, это логогриф. Когда слова отличаются на одну букву и звучат совершенно по-разному. А есть еще омографы, это когда пишется одинаково, а произносится по-разному. С другим ударением.

– То есть «чудное лето» и «чудное лето» – это омограф, «солитёр» и «солитер» – логогриф, а «поколочу» и «по калачу» – омофон. И откуда вы это, Марфа Васильевна, знаете?

– Да я-то знаю, потому что всю жизнь учительницей русского языка проработала, – засмеялась Варькина бабушка. – Это ж я летом калачи пеку, а с первого сентября опять к школьной доске встану.

– А вы разве не на пенсии? – удивилась Елка.

Марфа Васильевна покачала головой:

– Вы, молодые, такие смешные! Для вас все, кому больше сорока, – глубокие пенсионеры. А мне между тем всего-то пятьдесят восемь. Я своего сыночка, вот ее отца, – она кивнула в сторону Варьки, – в восемнадцать родила. А он меня внучкой одарил, когда ему только-только двадцать два исполнилось.

Елка впервые за два месяца вдруг посмотрела на Марфу Васильевну совсем другими глазами и увидела, что та действительно совсем еще не старая. На мгновение ей стало стыдно, но это чувство ушло под наплывом совершенно других мыслей и чувств.

– Послушайте, но это же все меняет!

– Мой возраст?

– Да нет же. – Елка нетерпеливо притопнула ногой. – Логогрифы. И омофоны тоже. «Солитёр» и «солитер», понимаете?

Варька с бабушкой смотрели на нее так, словно Елка на их глазах сошла с ума.

– Этот человек за забором, Валерий Куршев. Я думала, что он говорит про червя. Солитёра. Тем более мне послышалось слово «паразит». А он говорил «солитер», просто произносил неправильно. И тогда все сходится! Солитер – это что?

– Кольцо с одиночным камнем, – сказала Варька.

– Вот! А в коробочке лежала этикетка, из которой следовало, что в пропавшем кольце один бриллиант на три карата. То есть это был классический солитер.

– А «паразит» тут при чем? – не поняла Марфа Васильевна.

– Не «паразит», а «поразит». Он был уверен, что подарок поразит женщину, которой намеревался его вручить. А тот, с кем он разговаривал, не давал ему этого сделать. Это был плохой человек. Очень плохой.

– Но почему?

– Потому что слово «злато» я тоже услышала неправильно. Валерий Николаевич говорил «сколько зла-то». Он вернулся, чтобы уже не расставаться с этой вашей Оленькой Прохоровой. И ничего он ее не бросил! На самом деле она – его жена.

Марфа Васильевна ахнула:

– А это ты с чего взяла?

– Я слышала, как он сказал «мы же на «ты», а еще про то, что она «покалечилась». На самом деле он убеждал свою собеседницу: «Мы женаты», а произошло это, когда Оля лежала в больнице, «пока лечилась». Кто-то так не хотел, чтобы они были вместе, что расстроил свадьбу. Ольга попыталась покончить с собой, и ее положили в больницу. Этот Куршев нашел ее там, но так как ему нужно было уезжать, они поженились тайно, чтобы не расстраивать того, кто был против их свадьбы. Вы же говорили, что он военный. А сейчас он приехал, чтобы увидеть Ольгу, и привез ей в подарок кольцо с большим бриллиантом, которое ее поразит. Но не застал дома, потому что она в город уехала. Зато застал кого-то другого – того, кто никак не хотел, чтобы они были вместе. И этот кто-то решил не допустить их встречи: Куршева опоил опасным лекарством, документы и телефон выбросил в канаву, чтобы его опознать не могли, а кольцо с бриллиантом украл. Не смог пройти мимо такого сокровища. То есть не смогла, потому что второй голос, который я слышала, точно был женский.

– Наталья Григорьевна, Олечкина мама, – выдохнула Марфа Васильевна. – Ужас какой! Я всегда знала, что она ревниво к дочери относится, не желает ее от своей юбки отпускать.

И свадьбу тоже она расстроила. Точнее, ты говоришь, что свадьба все равно была. – Она растерянно смотрела на девушек. – Надо Павлуше это все рассказать. У злой Натальи все люди каналы. Но уж человека губить, такому вообще оправдания быть не может!

Они позвонили участковому и договорились через полчаса встретиться у дома Ольги Прохоровой. Та как раз вернулась из города, по крайней мере свет в ее окнах горел. Рассказ о найденном Елкой мужчине, подслушанном разговоре, борсетке в канаве и пропавшем кольце она выслушала молча, ни одного возгласа не издала, только крепче переплетала пальцы рук, да два ярко-алых пятна все сильнее пылали на ее бледных щеках.

– Он выживет? – спросила она, когда Елка замолчала.

– То есть вы подтверждаете, что знакомы с Валерием Николаевичем Куршевым?

– Она права, – Ольга кивнула Елке. – Это мой муж. Мы поженились в начале 2020 года, когда я в больнице лежала.

– Да как же поженились, если он тебя бросил? – с жалостливым любопытством спросила Марфа Васильевна.

– Валера меня не бросал. Это мать моя всем напела, чтобы свою подлость на других переложить. Но вы не ответили на мой вопрос. Он выживет?

Участковый откашлялся:

– Когда я ехал сюда, мне позвонили и сказали, что муж ваш пришел в себя. Он пока очень слаб, но первые показания дал, и его жизни ничего не угрожает.

– Его действительно отравила моя мать? – голос Ольги звучал напряженно, а в ее спокойствии было что-то жуткое.

– Вы расскажите нам про начало всей этой истории, – попросил участковый. – А я уж закончу. Хотя эта пигалица, – он бросил косой взгляд на Елку, – в принципе, все правильно вычислила.

Ольга Прохорова познакомилась с Валерием Куршевым на новогодней вечеринке, которую устраивали их общие друзья. Точнее, мужчина оказался двоюродным братом одного из них. Он был никаким не военным, ошиблась Марфа Васильевна, а моряком, работающим на рыболовецких судах. А жил да, на Камчатке, просто в отпуск приехал.

С Оленькой у них возникла любовь с первого взгляда, и Куршев сразу предложил возлюбленной руку и сердце, поскольку у него уже был подписан контракт с южнокорейской компанией, по которому он должен был уйти в море почти на год. Ольга была согласна ждать возлюбленного на Камчатке, у него дома, вот только ее деспотичной матери план, разумеется, не понравился.

Пока дочь спала, она с ее телефона отправила Валерию длинное сообщение: поняла, что его не любит, выходить за него замуж отказывается, он может считать себя совершенно свободным и встреч с ней не искать. Разумеется, не в характере Куршева так легко сдаваться, но проблема заключалась в том, что наутро он должен был уезжать в Москву, на собеседование в посольство Южной Кореи. Он и уехал, решив, что по возвращении разберется со строптивой невестой. По печальному стечению обстоятельств в поезде у него украли телефон.

Утром Ольга, поняв, что натворила ее мать, кинулась звонить жениху, но телефон оказался вне зоны действия сети. Она попыталась поехать по известному ей адресу, где Валерий жил в их городе, но мать заперла ее в квартире и не выпускала. Друзья же, до которых она смогла дозвониться, сказали: Валера уехал по рабочим делам. Ольга поняла это так, что он вернулся на Камчатку без нее. Той же ночью она перерезала себе вены.

Разумеется, девушку положили в психиатрическую больницу. Вернувшийся из Москвы Валерий пришел к ней домой, чтобы поговорить, но Наталья Григорьевна не пустила его на порог, жестко велел убираться. К счастью, в маленьком городе тайны не сохранишь, поэтому об Ольгиной попытке суицида и ее лечении в больнице Куршев, разумеется, узнал. Он сумел не только пробраться в клинику, но и договориться о том, чтобы их по-быстрому поженили.

Времени было мало, он даже кольцо невесте купить не успел, улетел сразу после свадьбы, пообещав, что заработает на лучшее и вернется. Выписавшаяся из больницы Ольга домой уже не вернулась, порвала отношения с матерью и уехала жить в бабушкин дом в деревне, являясь в город лишь на встречи с заказчицами. О том, что вышла замуж, она никому не сказала.

– Его контракт был на год, но случился ковид, корабль застрял в одном из зарубежных портов, потом они все-таки вышли в море, но Валера был твердо намерен заработать, чтобы мы могли купить квартиру, поэтому продлил контракт. Меня это очень рассердило, потому что мне нужен был он, а не какая-то там квартира. Я написала ему резкое сообщение, поставив ультиматум: либо он разрывает контракт и приезжает ко мне, либо я видеть его не хочу. Положение соломенной вдовы никак не прельщало. Мне было необходимо быть рядом с ним и подальше от матери, которая то и дело норовила приехать со своими нравоучениями. Валера ответил, что он – мужчина и будет сам принимать решения, как ему жить. В январе прошлого года он подписал новый контракт, причем на полтора года. Я перестала отвечать на его сообщения, а потом они прекратились. Я не знала, что он приехал, правда!

– Контракт Валерия Николаевича истек в июне. Он сразу вернулся, пробыл дома месяц и приехал сюда, чтобы убедить вас, Оля: он по-прежнему вас любит, – сказал участковый. – В Москве он купил вам кольцо, с солитером, то есть бриллиантом на три карата, и хотел, чтобы его появление оказалось для вас сюрпризом. Но единственное, что он знал, – адрес городской квартиры. Туда он и явился, не застав никого дома. От соседей узнал, что вы живете в деревне. Они же рассказали вернувшейся из магазина Наталье Григорьевне о визите, как они считали, несостоявшегося жениха ее дочери, из-за которого девочка пыталась покончить с собой. Она сразу поняла, что он уехал сюда, и кинулась вдогонку. К сожалению, вы разминулись с Валерием на какие-то полчаса, поэтому ваша мать застала его в саду одного. Тогда-то и состоялся тот самый разговор, свидетелем которого случайно стала Елена.

Он снова кинул взгляд в сторону Елки.

– Он признался, что вы с ним давно женаты, и показал купленное в подарок кольцо. И тогда ваша мать, взбесившаяся из-за того, что ее обманули, растворила клофелин, который принимает от давления, в стоящем в сених квасе и напоила зятя. В ожидании возвращения Ольги он пошел на речку, а в рощице по дороге ему стало плохо. Наталья Григорьевна следила за ним и воспользовалась его беспомощным состоянием, стащила борсетку и выбросила документы в канаву, в надежде, что если в роще найдут труп неизвестного, то Ольга ни о чем не узнает. Обыскав сумочку, она обнаружила кольцо стоимостью несколько миллионов и забрала его. Рука не поднялась оставить такую ценность в канаве.

– Глупость какая-то, – не выдержала Варька. – Все равно Павел Никанорович пошел бы по домам с обходом, чтобы установить личность неизвестного. Все бы и вскрылось.

– Слепая ненависть – плохой советчик, – покачала головой Марфа Васильевна. – У Натальи просто ум застило, так ей было надо, чтобы все вышло по ее желанию. Не ведала, что творила.

– Валерий Куршев наотрез отказался писать заявление, – сказал участковый. – Настаивает, что ему просто стало плохо. Лето, мол, в этом году жаркое. Так что Наталье Прохоровой и предъявить-то нечего.

– Валера очень благородный. – Ольга улыбнулась, но на глазах у нее блеснули слезы. – Вы простите, я поеду к нему сейчас. А мать пусть живет как знает и как ей совесть ее позволит. Если Валера не хочет писать заявление, я настаивать не буду. Просто уеду с ним в другую жизнь, и все.

На этом полный приключений день закончился. Полицейский на своем «уазике» увез Ольгу в районную больницу, к мужу, а Марфа Васильевна, Елка и Варька вернулись домой.

– Вроде про любовь история и закончилась хорошо, а все равно осадок какой-то остался, – сказала Варька мрачно. – Как можно чуть не угробить человека только потому, что ты не хочешь его своим зятем видеть?

– Злой с лукавым водились, да оба в яму свалились, – сказала Марфа Васильевна. – На себя, Варька, не примеривай. С кем захочешь под венец, с тем и пойдешь. И последствия расхлебывать сама будешь. Кто в чем сплюскает, за то и отвечает. А вот Елочка у нас молодец, настоящий детектив! Преступление раскрыла вперед участкового.

– Да будет вам, – смутилась Елка. – Я просто оказалась в нужный момент в нужном месте. И ни за что бы не догадалась, если бы Варька не сказала про калач, а вы не рассказали про омофоны. Калач оказался не просто с изюмом, а с изюминкой.

– Дело ведь совсем не в месте, а в том, что все мы вместе, – ответила Марфа Васильевна, и они втроем весело рассмеялись.

Галина Романова

• Счастье по обмену •

Глава 1

Сидя на скамейке в парке в ожидании судьбоносной встречи, она сто процентов привлекала внимание окружающих. Она была красивой – раз. Высокой и худой – два. Она загорела до того приятного оттенка, когда кожа золотится бронзой. И на ней было ее лучшее летнее платье. Натуральный шелк бутылочного цвета с мелкими черными мушками как нельзя лучше оттенял и ее загар, и ее красоту...

Яна опустила голову, стащила с переносицы солнцезащитные очки и устала на льняные штаны, скрывающие ноги до самых щиколоток. Ниже – ортопедические матерчатые туфли, выше – широкая льняная блуза чернильного цвета. Точно можно было обернуть Яну раза три – такой она была широченной. И еще панاما на голове – нелепая, ужасная, всученная ей родной теткой, отправившей ее на эту дурацкую судьбоносную встречу.

Да, да, встреча точно должна была состояться – это было правдой. Все остальное: про внимание окружающих, про ее невероятную красоту и натуральный шелк с золотистым загаром – выдумка. Так – мечты сумасшедшей девушки, ошавшей от безделья в отпуске и одиночества в жизни.

Нет, она не была уродиной. И правда, высокая, худая, достаточно симпатичная. Но вот шелков не было, ни натуральных, ни ацетатных. Она просто-напросто не могла в этом хорошо выглядеть, не умела носить.

– Ты себя не умеешь носить, Янка! – возмущалась ее подруга Стеша, успевшая к тридцати годам трижды выскочить замуж и дважды развестись.

И это при росте в метр пятьдесят пять и весе в семьдесят килограммов. Натянет лосины, встанет на каблуки, какую-нибудь кофту немыслимого окраса из шкафа достанет – и вперед. И ба-ба-ба-ба – Стеша снова замужем!

А вот у Яны каблуков не было в коллекции. Только кеды, кроссовки, сандалии, сланцы, угги и даже валенки, и никаких каблуков. И ярких вязаных кофт не было. И еще у нее не имелось ни одной знакомой волшебницы, которая, коснувшись ее широких льняных штанов и блузы, превратила бы их в натуральный шелк бутылочного цвета. А ее бледную тонкую кожу покрыла бы золотистым загаром.

Волшебниц не было, зато имела родная тетка, которая обманом затащила ее посреди летней жары в Москву под предлогом страшной болезни. На вокзале, встретив Яну, она сразу призналась, что слукавила, окинула ее оценивающим взглядом и со вздохом пробормотала:

– Да, вы точно с ним два сапога пара.

– С кем? – отозвалась Яна рассеянно.

Она не знала: сердиться ей на тетку за обман или радоваться, что та здорова. Наконец сочла, что здоровье все же в приоритете, и расслабилась.

– С Иваном – племянником моей приятельницы.

– Опять сватовство?

Яна – если честно – даже не удивилась. Тетка начала ее пристраивать с девятого класса. То с чьим-нибудь племянником познакомит, то с сыном, то с братом.

– Старая сводня, – ворчал отец Яны, в очередной раз провожая дочь в Москву. – Оставила бы она тебя в покое. Вот чует мое сердце: когда-нибудь это добром не закончится.

Ворчание отца с годами утихало. А когда Яне стукнуло тридцать три, он даже начал беспокоиться, когда от тетки долго не поступало приглашений.

– Была бы жива твоя мать, ты бы давно была замужем, – вздыхал он время от времени. – А я что? Мужик. Не смог тебя научить, как правильно строить отношения.

Он все подсовывал и подсовывал ей нужные книги и журналы, в которых давались сотни советов, как нужно все это делать правильно. Как улыбаться, что говорить при первой встрече, чтобы произвести впечатление. И как одеваться, потому что встречаются все же по одежде...

Сегодня Яна выбрала не лучший свой наряд. И еще панамы – ужас! Но на ней, как ни странно, настояла тетка.

– Напечет в голову по такой жаре, лицо опалит солнцем. Твоя аристократичная бледность покраснеет и зашелушится, а на нос выскочат веснушки. Панамы тебя спасет.

Яна достала из большой плетеной сумки телефон, взглянула. Иван – племянник приятельницы – опаздывал уже на десять минут. Еще столько же она ждет и уходит.

Слева на скамейку кто-то опустился с тяжелым вздохом. Она скосила взгляд. Парень точно не был Иваном. Тетка показывала его фотографии.

Иван был чуть выше среднего роста, имел склонность к полноте и небольшие залысины, в одежде предпочитал, как и она, лен широкого кроя и замшевые мокасины. Мужчина слева был в джинсовых шортах выше волосатых коленей и кожаных сланцах. Осмотреть его еще выше она не рискнула – вдруг он за ней наблюдает.

Яна осмотрела аллею: пустых скамеек было много. Почему этот голоногий мужчина уселся рядом с ней? Именно – рядом. Его волосатое колено едва не касалось ее. Сделалось неуютно и неприятно. Захотелось сразу домой – в провинцию. Забиться бы с книгой в беседку на даче! Сбросить с головы нелепую панаму, распустить волосы по плечам и, таская из вазы крупную сладкую черешню, перелистывать страницы. Кому-то такая жизнь покажется скукой смертной, но не ей. Она очень-очень любила и старую дачу, выстроенную еще при жизни мамы, и беседку, возведенную специально к ее восемнадцатому дню рождения наемными строителями.

Там было все, о чем она мечтала: крыша-купол, мощные деревянные столбы, по кругу – вдоль низких стен – диваны с мягкими подушками. В центре круглый стол. Пол из песчаника. Невесомые белоснежные шторы, которые ветер трепал как ему вздумается: то флагом развеивал, то надувал парусом бригантины. И еще было много ярких цветов в кашпо. Они с папой с февраля высевали семена на рассаду. На столе всегда стояли сезонные фрукты и несладкий компот в большом фарфоровом кувшине с крышкой.

Она страшно захотела туда прямо сейчас, сию же минуту, чтобы не дышать смогом мегаполиса, не ожидать в тени мощных лип необязательного парня и рядом не было полуголого мужчины, усевшегося слишком близко.

– Ивана ждете, Яна? – проговорил вдруг мужчина и слегка отодвинулся.

– А вам-то что? – отреагировала она неожиданно грубо.

В голове гигантскими комарами зажужжали тревожные мысли: откуда он знает о ней, об Иване? Что-то случилось? Или Иван передумал, а вместо себя прислал какого-то голоногого друга? Или...

Мошенник! Я поняла! Сейчас он примется рассказывать ей удивительную историю про то, что Иван попал в страшный переплет и ему срочно требуется помощь. А для этого необходимо перевести некую сумму по номеру телефона, который он ей сейчас продиктует.

С ней так никогда не случалось, она этого не проходила. Яна тайно гордилась тем, что ее невозможно, как это сейчас принято говорить, «развести на бабки». И не потому, что у нее не имелось денег. Вовсе наоборот. Папа вел бизнес со своим братом уже давно, всю прибыль делил между собой и дочерью пополам.

Деньги у Яны были. А еще у нее были мозги и природная осторожность.

– Мне? Мне ничего. Просто приехал, чтобы вам об этом сообщить.

Яна наконец-то осмелилась рассмотреть человека полностью.

Ну, что сказать? Стеша распустила бы слюни, простонала, что этот парень – мечта всей ее жизни, тотчас потянулась бы за новыми леопардовыми лосинами и туфлями на шпильке.

Яну такие типы заставляли нервничать. Она считала их баловнями судьбы, эгоистами, нередко и альфонсы с такими физиономиями встречались. Не в ее жизни, тьфу-тьфу! Статистика свидетельствовала.

Тот, кто уселся рядом, был невероятно пригожим малым. Выше джинсовых шорт майка в обтяжку. Соответственная мускулатура присутствовала: широкие плечи, крепкая шея с крохотной родинкой под правым ухом. Короткая стрижка на темных волосах, черные насмешливые глаза. Нос, рот, скулы – все как с рекламы. Ну и, разумеется, все это великолепие было покрыто тем самым золотистым загаром, о котором ей мечталось в самом начале.

Она посмотрела на себя его глазами и поняла, что даже на серую мышь не тянет. Синий-пресиний чулок, вот она кто! И блуза почти в тон. Яна насупилась, подышала, велела себе наплевать и посмотрела на парня с многозначительной улыбкой:

– А что с Иваном? Что-то случилось? Ведь вы здесь за тем, чтобы рассказать мне: он попал в аварию или что-то в этом роде, да? Сбил кого-то на своем старом велике, и теперь его разыскивает полиция, ему нужны деньги, а вы здесь за тем, чтобы эти деньги у меня забрать и ему передать. Так?

– Нет. Не так. – Он смотрел серьезно.

– А как же?

Она все же стащила с головы панаму и потрянула головой, распуская по плечам русые кудри, которыми гордилась, да.

– Иван не приехал, потому что не захотел.

– Так просто? – не поверила Яна.

– Да. Мы с ним соседи. Часто общаемся, ходим в гости друг к другу. Наши двери не закрываются. И вчера он мне рассказал, что тетя жаждет познакомить его с какой-то перерезлой девушкой из провинции.

– Так и сказал? – не сильно удивилась Яна.

Ей же тридцать три, явно не подросток!

– Так и сказал. И еще добавил, что он из-за попыток тетки пристроить его скоро свихнется. У него сейчас новый проект, времени нет ни на что. И тем более на глупое знакомство.

– А вы, стало быть, взвалили на свои широкие загорелые плечи ношу печального вестника. – Она смешно наморщила носик, рассмеявшись. – Шепну вам по секрету: не очень-то и хотелось. Ваня не в моем вкусе.

– Шепну вам по секрету... – он приблизил свое лицо к ее, обдав запахом мятной жвачки, – у вас вообще вкуса нет.

– В каком смысле?

А она настырно не отодвинулась, не отпрянула, как школьница. Уставилась широко распахнутыми глазами на его рот. Бесстыдно, надо заметить.

– Что на вас надето, Яна! Это не одежда, это рубище! Ваше тело жаждет шелка, ноги – каблучков, а ваши губы...

И в этот момент своего выступления он ее поцеловал, легонько коснувшись губами. И она поняла, что вся ее устоявшаяся серьезная жизнь, разум и природная осторожность пропали пропадом...

Глава 2

– Где он?!

На его пороге стояла высокая красивая девушка. Она была почти без одежды: тонкий белый сарафанчик короткий, бретели едва видно на загорелых плечах. Они сходились странным, замысловатым узлом в выемке ее груди. Шикарной, точно не второго размера. У него зимой была девушка со вторым размером, он в этом немного разбирался.

А еще на девушке были удивительные босоножки на тонких шпильках, тоже с множеством кожаных шнурков, выющихся вокруг загорелых икр. Один слегка сбил, и он подавлял желание встать перед девушкой на колени, чтобы поправить его.

Но тогда она точно пнула бы его, потому что он стоял перед ней в мятых шортах, несвежей майке, на которую только что посадил кофейное пятно. Да и весь он был помятым после сна и лохматым. А с учетом намечающихся залысин это выглядело отвратительно.

Он тут же возненавидел себя до такой степени, что захотелось плакать.

– Ты оглох, Ваня?

Прекрасные длинные пальцы с шикарным маникюром пощелкали у него перед носом, заставив встряхнуться.

Конечно, он знал красавицу. Это была девушка его соседа Игоря. Ну, как девушка? Ничего серьезного, кроме выноса мозга. Это Игорь так утверждал. Красавица думала иначе. Звали ее Настя. Она приехала лет пять назад поступать в театральный, надеялась только на свою красоту. И, разумеется, экзамены провалила. Устроилась на какую-то киностудию мелким сотрудником. Так: принеси, подай, поддержи, выбрось. За пять лет в карьере не преуспела. А вот в личной жизни...

Она цеплялась за каждого, кто более-менее процветал. Ей нужны были постоянная регистрация, квартира, деньги. В какой-то момент она решила, что сосед Ивана – Игорь – всеми этими достоинствами обладает. И вцепилась в него мертвой хваткой.

– Сам виноват, – ворчал на него Иван после их очередного скандала. – Почему до сих пор не признаешься, что ты простой мент? Чего мозги ей пудришь?

– Я несколько раз пытался, даже однажды произнес это вслух. Она не слышит! Хихикает, грозит пальчиком и считает, что таким образом я пытаюсь от нее отделаться! Как быть, Ваня?

– На экскурсию ее в свой отдел своди. В камеру посади, – принялся перечислять Иван, втайне надеясь, что Настя бросит Игоря.

Почему ей не рассмотреть в нем предмет своей мечты? Он недавно начал свой бизнес, но уже понемногу раскручивается. Он перспективен! Да, некрасив. И даже неопрятен в быту, но перспективен же!

– Ваня? – Настя подозрительно прищурилась. – Ты в порядке?

Она толкнула его в грудь и шагнула в квартиру. Это случилось впервые, и ожидать этого он никак не мог. Иначе хотя бы немного прибрался и ей не пришлось перешагивать через горы его носков и папок с документами.

– Ты чем это занят? – она недоуменно глянула, остановившись перед столом, на котором стояло сразу пять мониторов.

На них яркими червями дергались и вились жирные цветные графики.

– Что это? – ее пальчик ткнул в сторону стола.

– Мировые биржи.

– Ты брокер? – удивила его Настя своей осведомленностью.

– Я... Потихоньку занимаюсь этим, Настя. Излишне не рискую. Но иногда выходит неплохо заработать. Основная моя деятельность на земле. В офисе в здании по соседству. Но я там крайне редко появляюсь.

– Почему?

– Подчиненные работают. Я могу себе позволить работать из дома.

– То есть ты начальник? – Она покусала нижнюю губу и вдруг запросила кофе.

Ивану пришлось ее вести на кухню. А там...

– Господи, Ваня! – воскликнула она, обходя его захламленные пятнадцать квадратов с безгливой миной. – Сколько живу, такого срача не видела! Ты вообще посуду не моешь? Не в курсе, что есть вода в кране и мочалка со средством для мытья посуды?

Провалиться сквозь землю он готов был еще на пороге своей квартиры, встретив Настю в майке в пятнах. Теперь же, на захламленной кухне, ему расхотелось даже дышать.

– Прости, – только и вымолвил он, краснея лицом и телом.

У него всегда краснели плечи и грудь, когда он смущался.

– Я сейчас.

Настя достала телефон, набрала какой-то номер, принялась щебетать и вымаливать давно обещанную скидку. Он не вслушивался – старался прибраться на кухонном столе.

– Оставь свои робкие попытки, Ваня, – остановила его Настя повелительным взмахом руки. – Сейчас придут специалисты и вымоют твою хату от потолка до пола. И окна тоже. А мы пока с тобой пойдем куда-нибудь кофе попьем. Кстати, а сколько у тебя комнат в квартире? Я сказала, что однокомнатная. И...

– Трешка. У меня трешка, Настюша.

Смущаясь, он всячески пытался закрыть ладонью кофейное пятно на майке и просмотрел алчный блеск ее глаз. А они запылали интересом, стоило ему назвать количество комнат в его квартире. И пока он переодевался в спальне, Настя не отходила от мониторов и даже что-то фотографировала на телефон.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.